

УДК / UDC 902/904 + 069.42

Археологические предметы как источники в изучении древней и средневековой истории волго-маньчских степей¹

Эрдни Анатольевич Кекеев¹

Archaeological Objects as Sources in the Study of Ancient and Medieval History of the Volga-Manych Steppes

Erdni A. Kekeev¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS
ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian
Российская Федерация) Federation)

младший научный сотрудник

Junior Research Associate

 0000-0002-2460-8518. E-mail: kekeev.kekeev[at]yandex.ru

Аннотация. *Введение.* Археологическими предметами называются объекты, обнаруженные в результате целенаправленных археологических раскопок, отражают информацию о жизнедеятельности человека и пригодны для получения информации о прошлом. Практически все исследования ученых, посвященные изучению древней и средневековой истории волго-маньчских степей, проведены на основе этих археологических вещественных источников. *Целью* данного исследования является анализ научных публикаций результатов изучения археологических вещественных источников полученных в ходе анализа археологических памятников волго-маньчских степей и сопредельных территорий. *Результаты.* Проведенный анализ основных публикаций, посвященных изучению вещественных источников (археологических находок), выводы специалистов, изучающих как отдельные периоды древней и средневековой истории, так и разные категории инвентаря, происходящего из поселенческих и погребальных памятников, показали, что только всестороннее изучение археологических вещественных источников может позволить ученым воссоздать материальную культуру,

изучить хозяйство, исследовать социальную структуру и реконструировать элементы духовной культуры древнего и средневекового населения волго-маньчских степей.

Ключевые слова: волго-маньчские степи, археологический предмет, вещественный источник, мезолит, неолит, энеолит, бронзовый век, ранний железный век, эпоха средневековья

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Кекеев Э. А. Археологические предметы, как источники в изучении древней и средневековой истории волго-маньчских степей // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 4. С. 73–93. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-73-93

Abstract. Introduction. Archaeological objects are the objects discovered as a result of purposeful archaeological excavations, which reflect information on the human activity and are suitable for obtaining information on the past. Almost all studies by scientists on the ancient and medieval history of the Volga-Manych steppes have been conducted based on these archaeological material sources. *The purpose* of this study is to analyze the scientific publications on the results of the archaeological material sources studying obtained from the research of the archaeological sites in the Volga-Manych steppes and the adjacent territories. *Results.* The analysis of the main publications devoted to the study of material sources (archaeological finds), and the conclusions of experts studying both individual periods of ancient and medieval history, as well as studies of certain categories of inventory originating from settlement and burial sites, showed that only a comprehensive study of archaeological material sources can allow scientists to recreate material culture, study the economy, to investigate the social structure and reconstruct the elements of the spiritual culture of the ancient and medieval population of the Volga-Manych steppes.

Keywords: Volga-Manych steppes, archaeological object, material source, Mesolithic, Neolithic, Chalcolithic, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 “The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups”.

For citation: Kekeev E. A. Archaeological Objects as Sources in the Study of Ancient and Medieval History of the Volga-Manych Steppes. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2025. No. 4. Pp. 73–93. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-4-36-73-93

1. Введение

Работа по созданию свода источников об исследованиях археологических памятников на территории Республики Калмыкия началась с изучения отдельных коллекций музейных предметов, хранящихся в Национальном музее Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова. После проведения полной описи был осуществлен анализ количественных характеристик изучаемых фондов по основным культурно-хронологическим группам [Кекеев 2021в: 141–154]. Затем поэтапно были проанализирова-

ны фонды археологических предметов, происходящих из памятников, которые исследованы на территории Республики Калмыкия. Кроме Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова, данные предметы хранятся в Государственном историческом музее (г. Москва) [Кекеев 2022: 81–105] и Саратовском областном музее краеведения (г. Саратов) [Кекеев 2021б: 806–824; Кекеев 2021г: 42–64]. Затем была проведена работа по анализу археологических музейных коллекций как источников по изучению бронзового, раннего железного и средних веков [Кекеев 2021а: 150–164; Кекеев 2023а: 36–59; Кекеев 2024а: 171–191] и их общей характеристике [Кекеев 2024б: 8–23]. Отдельно рассмотрены архивные фонды археологических отчетов, хранящихся в научных архивах учреждений гг. Москвы, Санкт-Петербурга и Элисты [Кекеев 2023б: 85–133].

Целью данного исследования является анализ научных публикаций результатов изучения археологических вещественных источников, полученных в ходе анализа археологических памятников волго-маньчских степей и сопредельных территорий.

2. Материалы

Основными источниками для проведенного исследования стали научные публикации, посвященные изучению вещественных источников (археологических находок), которые выявлены в результате исследования памятников археологии обозначенного региона.

Первые археологические работы на территории волго-маньчских степей были проведены П. С. Рыковым в 1929–1937 гг. Но, к сожалению, Павел Сергеевич успел выпустить лишь несколько статей о проведенных работах [Рыков 1931: 51–79; Рыков 1936а: 115–157; Рыков 1936б: 57–70], но обобщить результаты своих исследований не смог, в 1937 г. он был незаконно осужден и репрессирован¹.

Первые работы, обобщающие результаты изучения археологических памятников на территории волго-маньчских степей, опубликованы У. Э. Эрдниевым [Эрдниев 1960: 135–147; Эрдниев 1962: 277–288]. Затем, в 1961–1972 гг., Урюбджур Эрдниевич в сотрудничестве с профессором Саратовского государственного университета И. В. Сеницыным руководил масштабными спасательными раскопками на территории Калмыкии. Последующие обобщающие работы были основаны на результатах этих археологических раскопок [Сеницын 1978а; Сеницын 1978б; Сеницын, Эрдниев 1963; Сеницын, Эрдниев 1966; Эрдниев 1967: 21–52; и др.].

Изучение археологических памятников волго-маньчского региона привлекало внимание не только местных специалистов. Масштабные археологические работы советского периода позволили накопить значительный объем данных, а заметный спад полевых работ в российский период дал возможность внимательно изучить полученный материал.

¹ Павел Сергеевич Рыков скончался в исправительно-трудовом лагере под Уссурийском 26 марта 1942 г. в возрасте 56 лет, реабилитирован в 1956 г. [Малов 2010: 726].

Именно в этот период вышли фундаментальные работы, посвященные изучению археологических культур каменного, бронзового, раннего железного веков и эпохи средневековья [Андреева 2014; Кияшко 2002; Кольцов 2004; Кольцов 2005; Мимоход 2013; Мыськов 2015; Шишлина 2007; Шилов 2009; и др.]. Кроме этого, выпущены статьи, объектом изучения которых стали отдельные категории инвентаря различных археологических эпох.

3. Основная часть

3.1. Основные опубликованные результаты изучения вещественных источников эпохи камня (мезолит и неолит)

Согласно данным исследователей, заселение низменной (прикаспийской) территории Калмыкии тесным образом связано с вековыми колебаниями уровня Каспийского моря. Одна из последних хвалыньских трансгрессий Каспия, именуемая позднихвалынской, завершилась примерно 12 тыс. лет назад, когда уровень моря находился на нулевой отметке. Затем последовала мангышлакская трансгрессия, и уровень морского водоема упал до –30–50 м. С этого времени начинается формирование Прикаспийской низменности, и, следовательно, заселение равнинной части Калмыкии началось только с эпохи мезолита (12–9 тыс. лет назад) [Кольцов 2005: 28]. В работе П. М. Кольцова предложено выделение двух этапов в истории исследования каменного века. Первый этап охватывает большой промежуток с 1929 г. по 1975 г. и характеризуется он поначалу сбором каменных орудий отдельными исследователями, в конце — изысканиями экспедиций академических учреждений. Накопленный материал позволил совершить прорыв от первых попыток научного осмысления кремниевого инвентаря до выделения археологических культур, построения периодизации и хронологии каменного века. На втором этапе, который начинается в 1976 г., благодаря деятельности экспедиций Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и экономики (ныне — Калмыцкий научный центр РАН, далее — КалмНЦ РАН), Калмыцкого государственного университета и Института археологии Академии наук СССР (ныне — Институт археологии РАН) удалось сделать новые открытия и стационарно изучить памятники с непереотложенными культурными слоями, материалы которых получили относительную и абсолютную датировку [Кольцов 2005: 47–48]. На первой этапе изучения находки с изучаемой территории, датированные каменным веком, были из так называемых дюнных стоянок. При обосновании мезо-неолитического возраста исследователи пользовались типологическим методом и для культурно-хронологической привязки материала, выявленного на территории Калмыкии, использовали данные из стратифицированных памятников соседних территорий.

Возможность достоверного изучения материальной культуры появилась с открытием мезолитической стоянки *Му-Кюкн 2*, стратифицированных поселений *Ар-Доланг*, *Джангар*, *Заханата*, стоянок *Ту-Бузгу-*

Худук 1 и 2 и др. Материалы из этих памятников подробно рассматриваются в монографии П. М. Кольцова «Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия» [Кольцов 2005: 49–212].

По данным исследователя, наиболее изученными и информативными являются материалы из поселения *Джангар*, в котором исследовано три культурных слоя неолитического времени. Данные стратиграфии, а также материалы однослойных стоянок, отражающие один из этапов неолитической эпохи, впервые позволили хронологически надежно привязать многочисленные находки из разветвленных слоев других памятников. В работе П. М. Кольцова каменный инвентарь приводится с учетом технико-типологических параметров: техники первичной обработки, техники вторичной отделки, типологии. Сначала каменные изделия объединены в категории (скребки, резцы, ножи и т. д.) [Кольцов 2005: 49–50]. О хозяйственной деятельности местного неолитического населения можно судить по наборам орудий труда и фаунистическим остаткам на поселении *Джангар* и других стоянок. Анализ каменных и костяных изделий показывает, что древние жители степного края хорошо знали природные свойства разных материалов и умели использовать их для своих хозяйственных и бытовых нужд.

Многочисленные скребки самых разнообразных форм и размеров, а также резцы, ножи, скобели, проколки и другие изделия широко использовались в охотничьем быту. Для выделки шкур человек применял определенный набор инструментов. Но наиболее универсальными изделиями являются скребки. По форме рабочего края и размерам они делятся на крупные и миниатюрные, концевые, боковые, комбинированные и т. д. Присутствие скребков, скребков-ножей, округлых, ногтевидных и круглых микроскребков, а также каменных лоцил указывает на высококачественную обработку шкур животных [Кольцов 2004: 132–133].

Следующей категорией являются орудия из камня, кости и рога, используемые при изготовлении одежды и предметов домашней утвари: каменные и костяные проколки, скребла, костяные иглы, роговые лоцила и др. Прямым свидетельством охоты, как основы первобытного хозяйства в мезолите, и в значительной мере в неолите являются находки наконечников стрел. Это же факт подтверждают находки костей животных. На основе изучения палеозоологического материала поселения *Джангар* установлено, что в стратиграфических слоях памятника присутствует большая доля костных останков диких животных. Прослежена послынная трансформация остеологического материала, когда доля животных, относящихся к domesticiрованным видам (бык, лошадь), увеличивается, а доля промысловых животных (сайга, кулан и др.), хотя и незначительно, но уменьшается. Данный факт, наряду с находками изделий типа мотыжек, каменных зернотерок, хотя и косвенно, но может свидетельствовать о занятии местного населения собирательством и подсобным земледелием [Кольцов 2004: 133–134].

3.2. Основные опубликованные результаты изучения вещественных источников эпохи энеолита

Памятники энеолита на территории волго-маньчских степей являются довольно редкими — единичные подкурганные и грунтовые (?) погребения и местонахождения. В обобщающей работе Н. И. Шишлиной учтено 18 погребений и 9 местонахождений [Шишлина 2007: 26].

Большинство погребений — инвентарные, предметы, найденные в них, представляют собой многочисленные предметы вооружения: наконечники дротиков, стрел, ножи. Выделяются крупные ножевидные пластины и скипетры. Орудия представлены кремневыми скребками, микролитами и отщепами, костяным гарпуном. Отличительной чертой ряда погребений являются многочисленные украшения одежды, среди которых преобладают бусы из камня, раковины и кости, а также костяные цилиндрические пронизи и бронзовые браслеты [Шишлина 2007: 34].

Наибольший интерес у исследователей вызвали находки скипетров — зооморфных каменных наверший. Практически с момента открытия первых изделий этого рода они продолжают оставаться объектом непрерывных дискуссий по вопросам их происхождения и культурной принадлежности.

Скипетры изготовлены из различных каменных пород и, по мнению отдельных исследователей, представляют собой схематическое и реалистичное изображение головы взнузданной лошади. Так, по мнению В. А. Дергачева, прослеживание эволюционного изменения форм этих изделий позволяет изучить следы миграции древнего населения, принесшего с собой традицию верховой езды на лошадях [Дергачев 2007: 283–287]. Однако это мнение оспаривается рядом других исследователей [Манзура 2000: 237–295; Клейн 2010: 315–321; и др.].

Однако, несмотря на очевидные расхождения по данным вопросам, мнения практически всех исследователей сходятся в том, что эти предметы социальной символики являются отражением чрезвычайно широких и динамичных культурно-исторических процессов периода расцвета энеолитических культур, процессов, включавших в себя далекие миграции, ожесточенные военные столкновения, интенсивные и протяженные культурные контакты [Манзура 2000: 237–238].

На территории волго-маньчских степей было обнаружено два подобных скипетра, оба в погребениях — в курганных могильниках *Архара* [Синицын, Эрдниева 1966: 93–95] и *Улан Толга* [Кекеев 2009: 50–58]. Первый стал известен в научной литературе как архаринский, а второй — джангарский. По классификации, предложенной В. А. Дергачевым [Дергачев 2007: 112–119], обе находки относятся к схематическим скипетрам.

Обнаруженное в Архаринском могильнике навершие (скипетр) на тот момент не имело прямых аналогий среди памятников Нижнего Поволжья. До этого момента, т. е. до 1962 г., на территории Нижнего Поволжья и Северного Предкавказья было известно только две подобные находки, но они являлись случайными, т. е. отсутствовала информация о точном

происхождении находки, сопровождали ли они захоронения человека, был ли какой-то сопутствующий материал. В период с 1962 г. по 1985 г. на обширной территории степного пояса Европы было найдено еще 17 наверхий. И обнаруженное в результате раскопок курганного могильника *Улан Толга* наверхие стало единственной подобной находкой в Нижнем Поволжье после архаринского скипетра [Кекеев 2009: 52–53].

Как указано выше, данные скипетры отнесены к схематическим наверхиям, а именно к третьей группе, названной «архаринским типом». Находки данного типа являются близкими по форме, размеру и материалу изготовления. Большая часть из них (пять из восьми) найдена на территории Республики Калмыкия, Ставропольского края, Саратовской и Волгоградской областей. Данное наблюдение говорит о том, что в эпоху энеолита на территории указанных регионов происходили сложные взаимосвязанные социокультурные процессы.

3.3. Основные опубликованные результаты изучения вещественных источников бронзового века

На территории Республики Калмыкия известно два поселения с зафиксированным культурным слоем, датированных бронзовым веком (*Заханата* и *Ергенинское*). Остальные памятники поселенческого типа являются стоянками и местонахождениями с развеванным культурным слоем.

К сожалению, местонахождение находок из поселения *Заханата*, которое было исследовано Е. В. Шнайдштейн в 1976 г., установить не удалось, а сами результаты раскопок были опубликованы лишь в виде краткой статьи [Шнайдштейн 1977: 182–183].

Гораздо больше информации получено благодаря исследованию поселения *Ергенинское*, которое было выявлено в 2002 г. археологической экспедицией КалмНЦ РАН под руководством М. А. Очир-Горяевой [Очир-Горяева, Бросседер 2008: 42–51] и затем, в 2010 г. и 2012 г. на памятнике были проведены археологические раскопки [Очир-Горяева и др. 2011: 81–84; Очир-Горяева, Кекеев 2013: 18–26].

Работы 2010 г. в основном были посвящены общему обследованию памятника. Путем заложения шести разведочных шурфов была определена центральная часть поселения и установлена общая стратиграфия памятника. Во всех шурфах были найдены кости животных и фрагменты керамики [Очир-Горяева и др. 2011: 81]. Фрагмент трубчатой кости овцы был отправлен для радиоуглеродного датирования в Лабораторию Лейбница для определения возраста и исследования изотопов при Кристиан-Альбрехт университете г. Килля (Германия). В результате проведенного анализа получена дата — XXIX–XXVII вв. до н. э., что соответствует периоду существования ямной культуры раннего бронзового века в восточноевропейских степях.

Гораздо больший объем работ был произведен в 2012 г. В результате этих раскопок были вскрыты и исследованы раскопы общей площадью более 100 м². Исходя из изучения стратиграфии, М. А. Очир-Горяевой был сделан вывод, что культурный слой начинается с дневной поверхности

и доходит до глубины — 85 от «0», т. е. мощность культурного слоя колеблется между 0,6 и 0,8 м. В итоге изучения этого памятника установлено, что поселение функционировало на заключительном этапе раннего бронзового века [Очир-Горяева, Кекеев 2013: 21–24].

Как указано выше, к погребальным памятникам относятся многочисленные подкурганые захоронения. По данным М. А. Очир-Горяевой и Л. А. Бембеевой, в период с 1929 г. по 2009 г. на территории волго-маньчских степей исследовано 2 565 погребений, датированных разными периодами бронзового века, что составляют более 62 % от всех исследованных погребений [Очир-Горяева 2008: 248–252; Бембеева, Очир-Горяева 2021: 8–53].

В результате исследования погребальных памятников этого периода истории сформированы большинство археологических коллекций из раскопок на территории Калмыкии. К раннему и среднему периодам бронзового века традиционно относят памятники следующих культур: майкопская, ямная, раннекатакомбная, степная северокавказская. Сюда же включают промежуточные группы ямно-катакомбных и полиритуальных погребений [Шишлина 2007: 24–218]. Многочисленные памятники восточноманьчской катакомбной культуры относят к среднему этапу бронзового века [Андреева 2014: 11–12; Кияшко 2002]. К финалу средней бронзы относятся памятники лолинской культуры [Мимоход 2013]. Немногочисленные погребения срубной культуры — к позднему этапу бронзового века [История Калмыкии 2009: 54–56; Очир-Горяева 2008: 176–178].

Среди инвентаря этого периода одним из важных элементов материальной культуры является посуда. Глиняную посуду составляет абсолютное большинство среди находок погребального инвентаря. Согласно предложенной М. В. Андреевой классификации, выделяются следующие типы глиняных сосудов: сосуды закрытой формы без ручек, с одной или двумя петельчатыми ручками, с четырьмя ручками-выступами, сосуды открытой формы, особые формы посуды [Андреева 2014: 25–27].

Обобщая исследования специалистов, отметим, что наиболее часто встречаемые в погребениях являются сосуды закрытой формы (сосуды, горшки, кувшины, светильники, сосудики). Вторыми по частоте являются сосуды открытой формы. Наиболее редкими являются случаи находок в погребении глиняных воронок, относимых к особым видам сосудов.

Исследователями указывается на редкость находок крупных, толстостенных горшков, называемых реповидными сосудами [Андреева 2014: 27], хотя эта форма сосуда считается типичной для маньчского круга культур, в частности, для западноманьчской культуры именно «реповидный сосуд с венчиком» считается «основой керамического комплекса» [Власкин 2010: 20].

Следующей категорией глиняного инвентаря являются глиняные курильницы. Курильницы являются маркером катакомбной культуры бронзового века и встречаются как в погребениях, так и в жертвенниках.

Курильницы неоднократно становились объектом исследования [Андреева 2004: 187–201; Егоров 1970: 156–164; Николаева, Сафронов 1990: 54–57; Панасюк 2012: 115–117; Панасюк 2016: 94–98; Панасюк 2024: 106–108; Сафронов 1974: 23–173; Фрибус 2014: 48–52; и др.]. По мнению исследователей бронзового века, курильницам предшествовали «жаровни» (фрагменты толстостенных сосудов). Объединяющим для этих находок является их строгое ритуальное предназначение [Андреева 2014: 28].

Второй по встречаемости после глиняных сосудов и курильниц категорией являются орудия из бронзы, камня и кости. Явное количественное превосходство случаев находок бронзовых орудий над каменными и костяными свидетельствует о том, что сопровождавший умерших набор орудий был обусловлен ритуалом и отличался от прижизненного предметного окружения. Бесспорно, какую-то небольшую часть погребального орудийного комплекса составляли деревянные артефакты, практически не поддающиеся реконструкции [Андреева 2014: 29].

К бронзовым орудиям труда и / или оружию относятся ножи, шилья (стержни), крюки, тесла, долота, иглы. Изучению данной категории инвентаря посвящен ряд исследований [Андреева 2004: 187–201; Андреева 2010: 426–457; Гак 2002: 280–299; Гак 2011: 69–87; Корневский 1978: 33–48; и др.].

К каменным орудиям труда и / или оружия традиционно относят: булавы, топоры, песты, ударники, терочки, ступки, выпрямители древков стрел (плитки с желобком посередине), кремневые наконечники стрел, кремневые пластины, кремневыми скребки. Каменные топоры и булавы принадлежат к наиболее престижным предметам в составе погребального инвентаря статусных мужских погребений. К сожалению, специальные археологические и лабораторные исследования редко изучают каменные орудия. В прошлом, безусловно, имела место тенденция безосновательно относить все катакомбные песты и ступы (последние в этом случае превращались в «наковаленки») к орудиям кузнечного производства [Андреева 2014: 108]. В последнее десятилетие ситуация изменилась: песты и ступы признаются «орудиями многофункционального назначения» [Гак 2011: 75–76].

К предметам / орудиям из кости традиционно относят найденные вне сочленения отдельные кости животных, главным образом мелкого рогатого скота как с отмеченными следами обработки и использования, так и без них. Наиболее массово представлены астрагалы (таранные кости мелкого рогатого скота), затем — лопатки мелкого рогатого скота, рога, костяные трубочки [Андреева 2014: 37].

Сохранившиеся личные украшения и предметы были изготовлены из различных материалов (бронзы, кости, пасты, раковины, сердолика и др.), кроме этого, их делят на отдельные (подвески, височные кольца, серьги, амулеты, кольца, бусины) и наборные украшения (бусы, ожерелья и др.). Близи к этой группе личные предметы, некоторые из них, возмож-

но, тоже являлись частью костюма — костяные и бронзовые молоточковидные булавки, кольца, подвески, пронизи и др.

Наиболее подробно в данной категории инвентаря изучены изделия из кости. Так, в работе А. Н. Усачука приводятся результаты трасологического анализа. Исследование наборов колец из трубчатых костей копытных показало, что технология их изготовления соединяет два способа: сначала использовался станок, затем последовала ручная подрезка заготовки [Усачук 2002: 272]. На следы изготовления колец накладываются следы использования. Все кольца сильно залощены, вплоть до завальцованности (заполировки) некоторых участков, где следы оставлены токарным резцом. Такое состояние внешней и внутренней поверхности колец свидетельствует о длительном контакте их с мягким эластичным материалом (кожа, шерсть, ткань) [Усачук 2001: 76].

О наличии владения косторезным ремеслом свидетельствуют такие изделия, как молоточковидные костяные (роговые) булавки. Эти находки всегда вызывали интерес исследователей и на основе изучения комплексов с молоточковидными булавками предложено несколько их классификаций, произведена абсолютная датировка этих изделий и выработана общая периодизация бронзового века [Братченко 1976: 78–79; Сафронов 1973: 42–47; Сафронов 1979: 13–15; Шилов 1990: 40–42; Шишлина 2007; Шишлина и др. 2013: 35–44; и др.]. Изношенность отверстия и заполированность наверху на булавках позволяют согласиться с мнением исследователей, предполагавших продевание ремешка или нити с узлом через отверстие или крепление булавки на отдельной петле [Корневский 1986: 37–41; Кияшко 1992: 8; и др.]. По мнению Н. И. Шишлиной, булавка прикреплялась к поясу или висела на шнурке на поясе (на деталях одежды, либо на каком-нибудь шнуре или тесьме), или шнурок с продетой в него булавкой надевался на левую руку. Положение булавки головкой вверх подтверждает именно такое использование данного типа украшений [Шишлина 2007: 178]. Исследованию украшений одежды и головных уборов, личным украшениям посвящен ряд исследований [Андреева 2014; Корневский 1986: 37–41; Столярова 2002: 300–313; Шишлина 2007; Шишлина и др. 2010: 639–655].

Отдельной категорией погребального инвентаря являются средства передвижения (повозки) и их модели, эти находки относятся к раннему и среднему бронзовому веку. Первые находки колесного транспорта были обнаружены еще П. С. Рыковым при исследовании кургана 9 группы *Три Брата-1* в 1934–1936 гг. Дальнейшие исследования курганов на Ергенинской возвышенности открыли деревянные повозки и их части в курганных группах *Архара*, *Лола*, *Элиста*, *Ергенинский* и др. Из-за плохой сохранности детали конструкций прослеживаются редко. В могилу помещались четырехколесные повозки или их части: кузов (основа кузова) с колесами; только кузов или его часть, иногда с настилающими циновками; отдельное колесо. В некоторых случаях следы дерева минимальны, но мощный слой циновок в центре входной шахты и прямоугольные

очертания объекта позволяют предполагать, что перед нами фрагмент убранства повозки [Андреева 2014: 36]. Этим находкам посвящен ряд отдельных исследований [Андреева 1984: 201–205; Андреева 1996: 13–16; Избицер 1993; Калмыков 2016: 27–29]. Колесный транспорт показывает наличие материала, пригодного для изготовления подобных изделий, а также технологический уровень мастеров. Тип хозяйства, по-видимому, вынуждал население бронзового века периодически совершать перекочевки и колесный транспорт, безусловно, значительно облегчал и ускорял эти перемещения.

3.4. Основные опубликованные результаты изучения вещественных источников раннего железного века

Все выявленные на территории волго-маньчских степей на сегодняшний день археологические памятники раннего железного века относятся к памятникам погребального типа, а именно к подкурганам погребений. При описании этих памятников следует сказать, что большая часть этих погребений была введена в насыпи курганов бронзового века. В случае, когда курган сооружался представителями одной из археологических культур раннего железного века, размеры насыпи редко превышали один метр в высоту и 20 м в диаметре. На территории волго-маньчских степей исследовано 897 погребений раннего железного века [Очир-Горяева 2008: 248–252; Бембеева, Очир-Горяева 2021: 8–53].

Выделяются три основные категории погребального инвентаря: посуда (в основном глиняная, реже металлическая), предметы вооружения и элементы конской упряжи, личные предметы и украшения.

Для глиняной посуды выделяются сосуды закрытой (сосуд, горшок, кувшин, сосудик) и открытой (миска, чаша, стакан, курильница) формы. Качество изготовления этих предметов позволяет предположить, что большая их часть была изготовлена местными мастерами, а часть являлась импортом. К первым можно отнести сосуды, изготовленные вручную, без применения гончарного круга, с плохим обжигом. Такие предметы имеют несимметричную форму, имеют многоцветность в изломе и часто имеют примеси разного размера. Такие сосуды довольно тяжелые и хрупкие. Привозные лощеные сосуды, напротив, имеют строго симметричную форму, гладкую поверхность, однотонность как внешней, так и внутренней поверхности. В изломе цвет черепка имеет цвет этих поверхностей. Сами качественно изготовленные сосуды, легкие и средние на вес и довольно крепкие. Тесто иногда имеет примеси в виде мелкого шамота, но чаще оно однородное. Все это свидетельствует о наличии навыков гончарного производства у местного населения. И что важнее, о наличии активных связей у кочевых культур с центрами оседлого населения соседних территорий.

К металлическим сосудам относятся котлы различной формы и размеров. Само по себе включение в состав погребального инвентаря такого ценного предмета, как котел, встречается редко. Всего известно около сотни погребений с котлами [Демиденко 1994: 65–67]. Кроме прямо-

го утилитарного назначения в качестве сосуда для заупокойной пищи, бронзовые котлы рассматриваются как показатели особого социального статуса владельца. Бронзовые котлы представляли для кочевников значительную ценность, о чем свидетельствуют следы изношенности и починки на некоторых экземплярах. Об этом же свидетельствуют случаи укрытия котлов от грабителей в специально устроенных тайниках, как в погребении [Очир-Горяева 2008: 194].

Кочевники не придавали большого значения качеству кухонной посуды. Но предметы вооружения: железные мечи, наконечники копий и бронзовые наконечники стрел, — отличались превосходным качеством изготовления и разнообразием форм. Племена, владевшие передовым для своего времени оружием, могли успешно захватывать лучшие пастбища. В погребениях кочевников скифской эпохи часто находят железные обоюдоострые мечи и кинжалы, или, как их называют вслед за древнегреческими авторами, акинаки. Среди них различают несколько типов по сочетанию формы навершия и перекрестья. Различаются мечи и кинжалы-акинаки с брусковидным и антенным навершием. Разнообразные наконечники стрел относятся к более чем сорока видам, различающимся по типу насадки на древко, имеются комбинированные типы с так называемой усиленной боевой головкой [История Калмыкии 2009: 60].

Как известно, в повседневной жизни кочевников ключевую роль играл боевой конь, который занимал особое место в системе ценностей кочевников всех эпох. Конь считался самым ценным жертвенным животным у кочевников всех эпох. Конь и предметы конской упряжки занимают особое место в погребальном обряде кочевников. В царских курганах степей Евразии найдены останки десятков коней в полном боевом снаряжении, сопровождавших царя в загробный мир. Большое значение кочевники придавали украшению конской упряжки. На территории волго-маньчских степей, а также на территории соседних регионов находки предметов упряжки или целого уздечного набора в погребениях обычно рассматриваются археологами как символы-заменители коней, которые сопровождали погребенного в загробный мир, чтобы служить ему там так же, как и в жизни. Искусно изготовленные уздечные наборы представляли собой многочисленные предметы из бронзы, железа, золота, оформленные в зверином стиле [История Калмыкии 2009: 60].

Кочевники раннего железного века знамениты изделиями, украшенными в скифо-сибирском зверином стиле, известном на всей степной части Евразии, на которой в ту эпоху господствовало особое мировоззрение. Оно воплотилось и дошло до нас в виде высокохудожественных по исполнению и необычайно сакрализованных по содержанию предметов с изображениями реальных и фантастических животных и птиц. По мнению специалистов, в представлениях древнего населения изображения зверей обладали магической силой, служили оберегами, придавали своему обладателю их качества: силу, скорость, свирепость [История Калмыкии 2009: 61]. Научные исследования, посвященные искусству древних кочев-

ников, достаточно много. Известны уже тысячи предметов, украшенных в зверином стиле: оружие, конская упряжь, детали одежды, сосуды, ювелирные украшения, саркофаги, поминальные камни-стелы. Разнообразен материал, использовавшийся древними мастерами: камень, золото, бронза, дерево, войлок, кожа [Очир-Горяева 2008: 191].

3.5. Основные опубликованные результаты изучения вещественных источников эпохи средневековья

В отличие от коллекций раннего железного века предметы эпохи средневековья представлены не только находками из погребальных памятников (383 подкурганых захоронения), но и происходят из памятников поселенческого типа (поселение *Заханата*, городища *Башанта-I* и *II*).

Поселение *Заханата* было выявлено и исследовано Е. В. Шнайдштейн в 1976 г. На памятнике было изучено два слоя: слой бронзового века и эпохи средневековья. Верхний перекопанный слой (0,1–0,5 м) содержал фрагменты гончарной сероглиняной керамики, иногда украшенной волнистым и линейным орнаментом, а также многочисленные обломки железных предметов, которые были датированы эпохой средневековья [Шнайдштейн 1977: 182–183].

Большими по размеру и более изученными являются городища *Башанта-I* и *II*, выявленные и исследованные М. А. Очир-Горяевой в 2008, 2010, 2015–2018 гг. На обоих памятниках были вскрыты большие площади культурного слоя. Это позволило выявить на *Башанте-I* остатки каменного здания и цоколь стены, сложенный из крупных блоков ракушечного камня, на протяжении 189 м. Стена ограничивала внешние границы обжитой части памятника. На восточном холме *Башанты-II* обнаружен фрагмент такой же каменной кладки стены, отделявшей центральную часть городища от остальных. С внутренней стороны стены были расположены круглые полуземляные турлучные постройки и многочисленные хозяйственные ямы. Культурный слой на *Башанте-II* содержит, наряду с амфорами, многочисленные фрагменты круговой керамики салтово-маяцкого типа, в то время как фрагменты черепицы не обнаружены. На *Башанте-I* керамика представлена исключительно амфорным боем, фрагменты круговой или лепной керамики пока не обнаружены [Очир-Горяева 2020: 830–842; Очир-Горяева 2022: 105–121]. В результате полевых работ были обнаружены и собраны фрагменты глиняных сосудов, черепицы и каменных строительных блоков.

Керамический материал, происходящий из раскопок поселений *Башанта-I* и *Башанта-II* (разведки и раскопки 2008–2009 гг. и 2015–2016 гг.), был исследован Е. В. Сухановым [Суханов 2017: 56–76; Суханов 2018: 115–122]. Им были изучены коллекции амфорной тары, которые являются наиболее массовой группой материала, позволяющей получить информацию хронологического характера, что важно для понимания времени основания и жизнедеятельности рассматриваемых поселений. Установлено, что амфоры с поселений *Башанта-I* и *Башанта-II* относятся к широко известной на памятниках VIII–X вв. группе «причерноморских»

амфор. Центры изготовления этих сосудов расположены в Крыму [Паршина и др. 2001: 52–81]. Результаты изучения амфор, а именно доминирование амфор с мелким зональным рифлением, большинство из которых сделано из одного, первого вида глинистого сырья, полностью соответствуют критериям для отнесения этих памятников к первой, более ранней группе (до середины IX в. н. э.) [Суханов 2018: 119]. Кроме этого, отмечено, что «ранний» культурный облик амфор городища *Башанта-II*, вероятно, подтверждает точку зрения В. С. Флерова о возникновении кирпичного зодчества в Хазарском каганате до миссии Петроны Каматире, связанной со строительством Саркела [Флеров 2014: 238–239].

Погребальные памятники на территории волго-маньчских степей охватывают гораздо больший хронологический период. В период с 1929 г. по 2009 г. исследовано 383 погребений, датированных эпохой средневековья [Очир-Горяева 2008: 248–252; Бембеева, Очир-Горяева 2021: 50–53]. Основными категориями погребального инвентаря являются предметы конской упряжи, предметы вооружения, личные украшения, культовые предметы, посуда, элементы костюма, бытовые и хозяйственные предметы [Кекеев 2024а: 171–191].

Обращаясь к анализу основных категорий сопровождающего инвентаря средневековых погребальных памятников, учтем, что многие предметы традиционной материальной культуры обычно имели специфически выраженное мифологическое содержание, причем эти глубинные, чаще всего скрытые мифологические представления очень важны для понимания функций вещей и их социальной роли. Выясняется, что очень часто предметы, помещенные в могилу, полностью утрачивали свое первоначальное функциональное назначение и превращались в обереги, волшебные вещи, социальные или половозрастные индикаторы. Именно поэтому ассортимент предметов в погребениях, как правило, достаточно ограничен и регламентирован [Мыськов 2015: 53].

В категории предметов конской упряжи выделяют стремяна, седла, украшения узды, удила и т. д. Основная часть находок изготовлена из железа, бронзы, глины, кости и др.

Обычно в погребениях находят пару стремян, хотя известно немало комплексов, где находили только одно стремя. Можно считать установленным, что стремяна представляют собой особую категорию сопровождающего инвентаря, лишь опосредованно связанную с погребенным. Отмечено, что данная категория инвентаря помещалась и в мужские, и в женские погребения. Наличие разных стремян в одном комплекте некоторые исследователи объясняют особым отношением отдельных кочевых народов к той стороне коня, откуда обычно производилась посадка. Выдвигалось мнение, что эта сторона считалась парадной и ее дополнительно украшали. Однако позднее специалисты пришли к тому, что данное явление объясняется поломкой или утратой стремени и его заменой другим, порой не очень похожим, которое в данный момент имелось в хозяйстве [Мыськов 2015: 57].

К бытовым и хозяйственным предметам относят ножи, зеркала, ножницы, кресала, шилья, гребни, пряслица и т. д. Самыми распространенными являются первые три категории инвентаря. Ножи были изготовлены из железа, лезвия большинства ножей сильно сточены, а некоторые из них преднамеренно изогнуты или сломаны в ритуальных целях [Мыськов 2015: 111].

Важной частью погребального инвентаря для средневекового населения являются предметы вооружения. Традиционно в данной категории выделяются клинковое оружие, луки, наконечники стрел, колчаны и т. д. К основным видам клинкового оружия обычно относят мечи, палаши и сабли. Наиболее распространенной категорией являются наконечники стрел. На основе анализа многочисленных находок в 1960-е гг. было предложено две научные типологии наконечников стрел из средневековых памятников Восточной Европы, они были разработаны А. Ф. Медведевым и Г. А. Федоровым-Давыдовым [Медведев 1966: 39–65; Федоров-Давыдов 1966: 11–16]. Новая типология для средневековых наконечников стрел была предложена Е. П. Мыськовым в 2015 г. [Мыськов 2015: 124–126].

В категории личных предметов и украшений выделяются серьги, бусы, браслеты, кольца / перстни, культовые предметы, обереги. Эти предметы были изготовлены из различных материалов, в том числе медь, серебро, золото, сердолик, стекло, горный хрусталь, янтарь, кость и т. д.

Наиболее распространенной категорией личных предметов и украшений в средневековых погребальных комплексах считаются находки серег и бус. Большая часть этих находок была сделана в женских погребениях, однако они встречаются в мужских и детских комплексах.

В работе, посвященной анализу погребального инвентаря эпохи Золотой Орды, Е. П. Мыськов обратил внимание на то, что в женских захоронениях представлено все многообразие известных типов серег из меди, серебра и золота, хотя преобладающими являются медные изделия в виде знака вопроса. В мужских захоронениях, напротив, преобладают кольцевидные сережки, а серьги в виде знака вопроса составляют всего 25 %, причем серебряных и золотых украшений в мужских погребениях в 3 раза больше, чем медных. Все это означает, что в кочевой среде многие мужчины в правом или левом ухе носили по одной серьге, при этом они отдавали явное предпочтение простым кольчатым украшениям из драгоценных металлов [Мыськов 2015: 162].

Редкими, но не менее важными источниками в изучении материальной культуры являются находки ткани. В работе М. А. Очир-Горяевой и Е. Г. Буратаева приведен наиболее полный обзор золотоордынских погребений, исследованных на территории волго-маньчских степей, где были обнаружены остатки шелковой одежды, сохранность которых позволила определить качество и рисунок ткани [Очир-Горяева, Буратаев 2021: 1210–1225].

4. Заключение

Изучение древней и средневековой истории на территории волго-манычских степей в основном проводится на основе информации, полученной в результате изучения археологических памятников обозначенного региона. Для изучения истории каменного и бронзового веков, частично раннего железного века археологические источники являются единственными источниками информации. Известные античные письменные источники крайне скудны, в эпоху же средневековья подобных источников становится больше. Однако все они чаще всего дают лишь общую информацию отрывочного характера.

В данном исследовании проведен анализ основных публикаций, посвященных изучению вещественных источников (археологических предметов), и кратко приведены выводы специалистов, изучающих как отдельные периоды древней и средневековой истории, так и разные категории инвентаря, происходящего из поселенческих и погребальных памятников. Проведенный анализ научных публикаций показал, что только всестороннее изучение археологических вещественных источников может позволить ученым воссоздать материальную культуру, изучить хозяйство, исследовать социальную структуру и реконструировать элементы духовной культуры древнего и средневекового населения волго-манычских степей.

Литература

- Андреева 1984 — *Андреева М. В.* Глиняная модель повозки из погребения катакомбного времени // Советская археология. 1984. № 3. С. 201–205.
- Андреева 1996 — *Андреева М. В.* К вопросу о роли повозки в погребальном обряде восточноманычской катакомбной культуры // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX Крупновские чтения): Тез. докл. конф. М.: ИА РАН. 1996. С. 13–16.
- Андреева 2004 — *Андреева М. В.* Курильницы, ножи и шилья в контексте погребальных памятников восточноманычской катакомбной культуры // Проблемы первобытной археологии Евразии: Сб. к 75-летию А. А. Формозова. М.: ИА РАН, 2004. С. 187–201.
- Андреева 2010 — *Андреева М. В.* Бронзовые орудия из катакомбных погребений Предкавказья: культовая и социально-знаковая функции // Человек и древности: памяти А. А. Формозова (1928–2009). М.: Гриф и К., 2010. С. 426–457.
- Андреева 2014 — *Андреева М. В.* Восточноманычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: Таус, 2014. 272 с.
- Бембеева, Очир-Горяева 2021 — *Бембеева Л. А., Очир-Горяева М. А.* Археологические погребальные памятники волго-манычских степей (по материалам раскопок с 1998 по 2009 гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 8–53. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-8-53
- Братченко 1976 — *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев. 1976. 252 с.
- Власкин 2010 — *Власкин Н. М.* Сравнительная характеристика катакомбных культур манычского типа эпохи средней бронзы: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 24 с.

- Гак 2002 — Гак Е. И. Металлические ножи катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия // Могильник Островной: итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М.: Гос. ист. музей; Элиста: Калм. ин-т соц.-экон. и правовых исслед., 2002. С. 280–299.
- Гак 2011 — Гак Е. И. Индикаторы металлопроизводства катакомбных культур степной зоны Предкавказья и юга Доно-Волжского междуречья // Краткие сообщения Института археологии. М.: ИА РАН, 2011. Вып. 225. С. 69–87.
- Демиденко 1994 — Демиденко С. В. Технология изготовления сарматских котлов и некоторые проблемы сарматской истории // Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докл. Междунар. конф. (г. Волгоград, 13–16 сентября 1994 г.). Волгоград: Волгоградск. гос. ун-т, 1994. С. 65–67.
- Дергачев 2007 — Дергачев В. А. О скипетрах, о лошадях, о войне: этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас. СПб.: Нестор-История, 2007. 488 с.
- Егоров 1970 — Егоров В. Г. Классификация курильниц катакомбной культуры // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970. С. 156–164.
- Избицер 1993 — Избицер Е. В. Погребения с повозками степной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа III–II тыс. до н. э.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1993. 24 с.
- История Калмыкии 2009 — История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 тт. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. 848 с.
- Калмыков 2016 — Калмыков А. А. Об использовании повозок в погребальном ритуале восточноманьчской катакомбной культуры // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Матлы межд. науч. конф. (г. Грозный, 18–21 апреля 2016 г.). Грозный: Чеченск. гос. ун-т, 2016. С. 27–29.
- Кекеев 2009 — Кекеев Э. А. Каменные зооморфные навершия — скипетры // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 2. С. 50–58.
- Кекеев 2021а — Кекеев Э. А. Археологические материалы бронзового века в фондах Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 5. Циркумпонтика. Вып. III. С. 150–164. DOI: 10.18384/2310-676X2021-5-150-164
- Кекеев 2021б — Кекеев Э. А. Археологические материалы из раскопок 1929–1937 гг. на территории Калмыкии (по фондам Саратовского областного музея краеведения) // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 4. С. 806–824. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-806-824
- Кекеев 2021в — Кекеев Э. А. Археологические предметы в фондах Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова (1961–1991 гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 4. С. 141–154. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-4-20-141-154
- Кекеев 2021г — Кекеев Э. А. Об археологических коллекциях Саратовского областного музея краеведения из раскопок в Калмыцкой автономной области (1929–1937 гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 2. С. 42–64. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-42-64
- Кекеев 2022 — Кекеев Э. А. Археологические находки из памятников Республики Калмыкия в музеях России (количественный анализ) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 1. С. 81–105. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-1-21-81-105
- Кекеев 2023а — Кекеев Э. А. Археологические коллекции, сформированные по результатам раскопок на территории Калмыкии, как источник по истории ран-

- него железного века // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 3. С. 36–59. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-3-27-36-59
- Кекеев 2023б — Кекеев Э. А. Полевые отчеты, как источники информации об археологических памятниках Республики Калмыкия, исследованных в 1929–1991 гг. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 1. С. 85–133. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-85-133
- Кекеев 2024а — Кекеев Э. А. Археологические коллекции, сформированные по результатам раскопок на территории Калмыкии, как источник по истории средневековья // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 2. С. 171–191. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-2-30-171-191
- Кекеев 2024б — Кекеев Э. А. Источники по археологическим памятникам, исследованным на территории Республики Калмыкия (1929–2019 гг.): общая характеристика // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 4. С. 8–23. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-4-32-8-23
- Кияшко 1992 — Кияшко В. Я. К вопросу о молоточковидных булавах // Донские древности. Азов: Азов. краевед. музей, 1992. Вып. 1. С. 4–57.
- Кияшко 2002 — Кияшко А. В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград: ВолГУ. 268 с.
- Клейн 2010 — Клейн Л. С. Еще раз о так называемых скипетрах // Stratum plus. 2010. № 2. С. 315–321.
- Кольцов 2004 — Кольцов П. М. Поселение Джангар: человек и его культура в неолите Северо-Западного Прикаспия. М.: Новый хронограф, 2004. 156 с.
- Кольцов 2005 — Кольцов П. М. Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. М., 2005. 352 с.
- Корневский 1978 — Корневский С. Н. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культуры // Советская археология. 1978. № 2. С. 33–48.
- Корневский 1986 — Корневский С. Н. О поясных наборах периода средней бронзы из Центрального Предкавказья // Краткие сообщения Института археологии. 1986. № 185. С. 35–42.
- Малов 2010 — Малов Н. М. Советский археолог Павел Сергеевич Рыков. К 125-летию со дня рождения // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М.: Гриф и К, 2010. С. 721–733.
- Манзура 2000 — Манзура И. В. Владеющие скипетрами // Stratum plus. 2000. № 2. С. 237–295.
- Медведев 1966 — Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966. 184 с.
- Мимоход 2013 — Мимоход Р. А. Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века: мат-лы охранных археологических исследований. Т. 16. М.: ИА РАН, 2013. 568 с.
- Мыськов 2015 — Мыськов Е. П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Волгогр. филиал РАНХиГС, 2015. 484 с.
- Николаева, Сафронов 1990 — Николаева Н. А., Сафронов В. А. Курильницы предкавказской катакомбной культуры (индоевропейская керамическая форма 1) // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: тез. докл. Всесоюз. семинара. Запорожье: Воронежский государственный университет, 1990. С. 54–57.
- Очир-Горяева 2008 — Очир-Горяева М. А. Археологические памятники волго-мамычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.
- Очир-Горяева 2020 — Очир-Горяева М. А. Городища Башанта-I и Башанта-II эпохи Хазарского каганата // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 4. С. 830–842. DOI: 110.22162/2619-0990-2020-50-4-830-842

- Очир-Горяева 2022 — *Очир-Горяева М. А.* Изучение цоколя северной стены городища Башанта-I эпохи Хазарского каганата // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 1. С. 105–121. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-105-121.
- Очир-Горяева, Бросседер 2008 — *Очир-Горяева М. А., Бросседер У.* Поселения в степи: проблемы изучения и интерпретации // *Вестник Прикаспия: археологи, история, этнология*. 2008. № 1. С. 42–51.
- Очир-Горяева, Буратаев 2021 — *Очир-Горяева М. А., Буратаев Е. Г.* Погребения с изделиями из шелка эпохи Золотой Орды: проблемы интерпретации // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 6. С. 1210–1225. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1210-1225
- Очир-Горяева, Кекеев 2013 — *Очир-Горяева М. А., Кекеев Э. А.* Археологические раскопки поселения эпохи бронзы Ергенинское // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2013. № 4. С. 18–26.
- Очир-Горяева и др. 2011 — *Очир-Горяева М. А., Кекеев Э. А., Карнап-Борнхейм К., Фассбиндер Й.* Комплексные исследования на поселении Ергенинское // *Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие*. Мат-лы Межд. научн. конф. Ч. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 81–84.
- Панасюк 2012 — *Панасюк Н. В.* Хронология курильниц восточноманьчской катакомбной культуры // *Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации*. XXVII Крупновские чтения: мат-лы межд. науч. конф. Махачкала: Мавраевъ, 2012. С. 115–117.
- Панасюк 2016 — *Панасюк Н. В.* Курильница как критерий атрибуции памятников катакомбных культур степного предкавказья // *Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.): круглый стол, посвящ. 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко (г. Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.)*. СПб.: ИИМК РАН. 2016. С. 94–98.
- Панасюк 2024 — *Панасюк Н. В.* Особенности орнаментации курильниц восточной и западноманьчской катакомбных культур // *Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX – перв. четв. XXI века*. XXXIII Крупновские чтения: мат-лы междунар. науч. конф. по археологии Северного Кавказа, посвящ. 120-летию со дня рождения Е. И. Крупнова. М.: ИА РАН, 2024. С. 106–108.
- Паршина, Тесленко, Зеленко 2001 — *Паршина Е. А., Тесленко И. Б., Зеленко С. М.* Гончарные центры Таврики VIII–X вв. // *Морская торговля в Северном Причерноморье*. Сб. науч. ст. Киев: Наукова думка, 2001. С. 52–81.
- Рыков 1931 — *Рыков П. С.* Отчет об археологических работах, проведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. // *Известия Нижне-Волжского института краеведения*. 1931. Т. 4. С. 51–79.
- Рыков 1936а — *Рыков П. С.* Археологические раскопки курганов в урочище Три Брата в Калмыцкой области, произведенные в 1933–1935 гг. // *Советская археология*. 1936. № 1. С. 115–157.
- Рыков 1936б — *Рыков П. С.* Раскопки курганного могильника в районе г. Элисты // *Известия Саратовского Нижне-Волжского института краеведения*. 1936. Т. 7. С. 57–70.
- Сафронов 1973 — *Сафронов В. А.* Классификация предкавказских костяных молоточковидных булавок // *Краткие сообщения Института археологии*. 1973. № 134. С. 42–47.
- Сафронов 1974 — *Сафронов В. А.* Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // *Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников*. Вып. 7. М.: Знание, 1974. С. 23–173.

- Сафронов 1979 — *Сафронов В. А.* Хронологическая система энеолита и бронзового века юга Восточной Европы // Проблема эпохи бронзы Юго-Восточной Европы. Тез. докл. Донецк: [б. и], 1979. С. 13–15.
- Синицын 1978а — *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маньча. В 2 ч. Ч. 1. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 1978. 130 с.
- Синицын 1978б — *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маньча. В 2 ч. Ч. 2. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 1978. 117 с.
- Синицын, Эрдниев 1963 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 году // Труды Республиканского краеведческого музея. № 1. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1963. 60 с.
- Синицын, Эрдниев 1966 — *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962–1963 гг.). (Труды КНИИЯЛИ, КРКМ № 2). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1966. 186 с.
- Столярова 2002 — *Столярова Е. К.* Стекланные и фаянсовые бусы южнорусских степей III–II тыс. до н. э.: материалы и интерпретация // Могильник Островной: итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М.: Гос. ист. музей; Элиста: Калм. ин-т соц.-экон. и правовых исслед., 2002. С. 300–313.
- Суханов 2017 — *Суханов Е. В.* Амфоры городища Башанта-II // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 3. С. 56–76. DOI: 10.22162/2587-6503-2017-3-3-56-76
- Суханов 2018 — *Суханов Е. В.* Амфоры нижнедонских поселений Башанта-I и Башанта-II (предварительные результаты) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2018. № 4. С. 115–122. DOI: 10.22162/2581-6503-2018-4-8-115-122
- Усачук 2001 — *Усачук А. Н.* Результаты трасологического анализа костяных изделий из погребений курганных могильников юга Калмыкии // Могильники Му-Шарет в Калмыкии: комплексное исследование. М.: Гос. ист. музей; Элиста: Калм. ин-т соц.-экон. и прав. исслед., 2001. С. 74–80.
- Усачук 2002 — *Усачук А. Н.* Костяные изделия курганных могильников Калмыкии (трасологический анализ) // Могильник Островной: итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М.: Гос. ист. музей; Элиста: Калм. ин-т соц.-экон. и правовых исслед., 2002. С. 267–279.
- Федоров-Давыдов 1966 — *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Моск. ун-т, 1966. 275 с.
- Флеров 2014 — *Флеров В. С.* К периодизации ниже-донских крепостей Хазарского каганата // Краткие сообщения Института археологии (КСИА). 2014. Вып. 236. С. 235–239.
- Фрибус 2014 — *Фрибус А. В.* Курильницы в структуре погребального обряда культур эпохи палеометалла степной Евразии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3–2. С. 48–52.
- Шилов 1990 — *Шилов В. П.* Проблема происхождения предкавказской катакомбной культуры // Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии. Л.: [б. и.], 1990. С. 40–42.
- Шилов 2009 — *Шилов В. П.* Древние скотоводы калмыцких степей. Элиста: Герел, 2009. 303 с.
- Шишлина 2007 — *Шишлина Н. И.* Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.) // Труды Государственного исторического музея. Вып. 165. М.: Гос. ист. музей, 2007. 400 с.

- Шишлина и др. 2013 — *Шишлина Н. И., Плихт Й. ван дер, Зазовская Э. П.* Костяные булавки бронзового века: результаты радиоуглеродного датирования // *Российская археология*. 2013. № 4. С. 35–44.
- Шишлина и др. 2010 — *Шишлина Н. И., Егорьков А. Н., Шортланд А.* Происхождение и производство фаянсовых бус в Северо-западном Прикаспии в бронзовом веке // *На пути открытия цивилизации: труды Маргианской археологической экспедиции*. СПб.: Алетейя, 2010. С. 639–655.
- Шнайдштейн 1977 — *Шнайдитейн Е. В.* Исследования в Калмыкии // *Археологические открытия 1976 г.* М.: Наука, 1977. С. 182–183.
- Эрдниева 1960 — *Эрдниева У. Э.* Из истории первобытной культуры Калмыцкой степи (неолит и бронза) // *Записки Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории*. Вып. 1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1960. С. 135–147.
- Эрдниева 1962 — *Эрдниева У. Э.* Памятники железного века на территории Калмыкии // *Записки Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории*. Вып. 2. Элиста: КНИИЯЛИ, 1962. С. 277–288.
- Эрдниева 1967 — *Эрдниева У. Э.* Территория Калмыцкой АССР и ее население с древнейших времен до XVII в.) // *Очерки истории Калмыцкой АССР*. Дооктябрьский период. Т. 1. М.: Наука, 1967. С. 21–52.